УДК 821.511.131
DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-1-7-14

Лингвопоэтика времени в творчестве Петра Захарова: структурно-семантические репрезентации

А.А. Арзамазов
Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН,
г. Ижевск, Россия,
arzami@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

Введение: в статье рассматривается лингвопоэтический феномен времени в стихотворном дискурсе Петра Захарова, одного из наиболее ярких представителей современной удмуртской поэзии конца XX – начала XXI столетий, олицетворяющего этнофутуристическое течение.

Цель исследования: проанализировать разноуровневую связанность грамматического плана текста и его художественной семантики, проявить взаимообращенность формы и содержания, языковых элементов и индивидуально-авторского мировидения.

Материалы исследования: материалами исследования являются стихотворные произведения Петра Захарова, вошедшие в его дебютную книгу «Вож выж» («Зеленый мост»).

Результаты и научная новизна: научная новизна исследования продиктована неизученностью проблем темпоральности в удмуртоязычных идиостилях, отсутствием лингвопоэтических практик в рамках удмуртской филологии, недостаточным вниманием к стиховедческим аспектам литературоведения. Устанавливается, что время является основой художественной картины мира П. Захарова: лирический субъект познает себя, других, окружающую действительность сквозь призму времени, которое в воспринимающем сознании обрастает большим количеством особенностей, характеристик, определений. Категория времени аналитически осмысливается как в контексте разнородных грамматических структур, лексических репрезентаций, так и в сложноорганизованной системе художественного содержания конкретного поэтического текста. В ходе интерпретации стихотворений были выявлены доминирующие темпоральные сценарии, описаны связанные с ними семантические планы. Констатируется повышенное внимание авторского «Я» к языку как основному инструменту письма. Исследование стихотворного корпуса Захарова показало, что имеют место две репрезентативные группы – в первую входят тексты, отмеченные эксплицированными языковыми поисками, во вторую – тексты, лишенные видимого лингвистического участия автора.

Ключевые слова: удмуртская поэзия, этнофутуризм, идиостиль, лингвопоэтические трансформации, темпоральные модели, лирический субъект, лирический сюжет.

Для цитирования: Арзамазов А.А. Лингвопоэтика времени в творчестве Петра Захарова: структурно-семантические репрезентации // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 1. С. 7–14.

Linguopoetics of time in the works of Peter Zakharov: structural and semantic representations

A.A. Arzamazov
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation,
arzami@rambler.ru

ABSTRACT

Introduction: this article analyses linguopoetical phenomenon of time in the poetic discourse of Peter Zakharov, who is one of brightest representatives of the ethno-futuristic trend of modern Udmurt poetry of the late twentieth and early twenty-first centuries.

Objective: to analyze the different levels of connection of the text grammar and its artistic semantics; to show the reciprocity of form and content, language elements and individual author's worldview.

Research materials: Peter Zakharov's poems, included in his debut book "Vozh vyzh" ("Green Bridge").

Results and novelty of the research: the scientific novelty of the research is dictated by the lack of knowledge

of the problems of temporality in Udmurt idiostyles, the lack of lingua-poetical practices within the framework of Udmurt philology, and insufficient attention to the prosody aspects of literary criticism. It is established that time is the basis of P. Zakharov's artistic picture of the world: the lyrical subject recognizes himself, others, the surrounding reality through the prism of time, which overgrows a large number of features, characteristics, definitions in the percipient consciousness. The category of time is interpreted analytically in the context of heterogeneous grammatical structures, lexical representations, and in the complexly organized system of the artistic content of a concrete poetic text. During the interpretation of the poems, the dominant temporal scenarios were identified and the semantic plans associated with them were described. The increased attention of the author's "I" to the language as the main instrument of writing was ascertained. A study of Zakharov's poems has shown that there are two representative groups: the first includes texts with explicated language searches, in the second – texts without the linguistic participation of the author.

Key words: Udmurt poetry, ethnofuturism, idiostyle, linguopoetic transformations, temporal models, lyrical subject, lyrical plot.

For citation: Arzamazov A.A. Linguopoetics of time in the works of Peter Zakharov: structural and semantic representations // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2018; 8(1): 7–14.

Введение

При рассмотрении лингвопоэтических особенностей, характерных для современной удмуртской поэзии, необходимо учитывать наличие достаточно сложных, малозаметных специфических факторов развития художественных систем, обращаться к конкретному идиостилю как к актуальному источнику релевантной информации, отражающей некоторые латентные языковые трансформации. Один из верных путей исследования – выявление доминантных моделей, представленных в тексте и на структурном, и на семантическом уровнях. Поэзия П. Захарова изобилует часто повторяющимися «схемами» выражения авторских переживаний, рефлексий. Его стихотворные произведения представляют значительный интерес для интерпретации в том числе в аспекте языка. Язык, как известно, это главный герой поэзии, он сам знает, как ему поступать, в каких пропорциях, «размерах» эксплицитности заявлять о себе.

Категория времени в поэтическом тексте, выражаемая разными способами, средствами – одна из важнейших категорий индивидуально-авторской картины мира – являет собой основную тему данного исследования. Следует заметить, что художественное понимание, поэтизация времени – многоаспектные сложнейшие процессы, состояния, включающие в себя широкий спектр представлений – этнокультурных, мифологических, общечеловеческих, личностных, сугубо литературных. Многие поэты, писатели интересовались обширным культурным багажом этой субстанциональности, знакомились с различными цивилизационными знаниями о времени, его образно-мотивными реализациями в мире искусства, литературы. Для многих художников слова тема времени – творческая константа, которая отражается в зеркале языка, грамматических универсалий. Эти отражения нередко являются поэтически осознанной формой раскрытия природы времени – автор, поэт «управляет» им, специально придерживается определенных темпоральных моделей. Но чаще лирическая темпоральность достаточно опосредованно связана с эксплицитно обозначенными поэтическими интенциями, ее «кардиограмма» в стихотворении обычно кажется довольно спонтанной, отчасти непредсказуемой. Речь в первую очередь идет о показательных индикативных формах глаголов, о вариантах их развертывания, текстового взаимодействия, степени включенности самого автора в сферы грамматического конструирования. Несмотря на кажущуюся оторванность, самостоятельность грамматического кода времени от авторского поэтизирующего сознания, между ними не может не быть связи. Просто такого рода корреспонденция для воспринимающего субъекта может носить как открытый, так и закрытый характер. Разрабатывая проблему удмуртской поэтической темпоральности, мы обращались к разнородным филологическим концепциям, сфокусированным на художественной онтологии времени, ее языковых репрезентациях [1–4; 7–21]. Опыт лингвопоэтического аналитического прочтения темпорального кода в системе удмуртской лирики представляет очевидную теоретическую и практическую значимость в рамках традиций удмуртского и финно-угорского литературоведения, лингвистики. Содержательные языковые

характеристики текста незаслуженно остаются без должного исследовательского внимания. Цели и задачи исследования связаны с преодолением этого методического дисбаланса, с необходимостью определения функционально-семантических возможностей художественной грамматики, выделением новых информативных парадигм авторского дискурса.

Рассматривая поэтическую стратегию П. Захарова в плане осознанности / «случайности» выбора тех или иных темпоральных сценариев, сразу необходимо констатировать: тема времени, ощущение временных измерений в значительной степени сопряжены с биографическим контекстом, личным участием автора. Постулируемые темпоральные ситуации, сюжеты нечасто выходят за рамки частного экзистенциального опыта или коллективного опыта удмуртской традиционной культуры. Одним словом, поэт не артикулирует необходимости в освоении философско-культурологических пластов, представляющих чужой опыт понимания, толкования времени. Его мало интересует «большая вода» не-своей истории, мироустройство П. Захарова в 1990-е – это его окружающая реальность, насыщенная социальными, историко-политическими, любовными переменами, крушениями, интенсивным творческим общением с друзьями-поэтами, далекое и близкое прошлое. Поэт не пытается создать собственную индивидуально-интеллектуальную философию времени, он еще не стремится к сложным синтетическим мировоззренческим обобщениям, предпочитая экранизировать «отрывки» реальной частной жизни.

Материалы и методы

Материалами исследования стали отдельные поэтические произведения Петра Захарова, которые вошли в его дебютный стихотворный сборник «Вож выж» («Зеленый мост»). В работе использованы методы структурно-семантического анализа художественного текста, апробирован прием лингвопоэтического анализа, в совокупности позволяющие интерпретировать стихотворение в контексте разнородных семиотический реалий и языковых трансформаций.

Результаты

Поэзия раннего Захарова, представленная в книге «Вож выж» («Зеленый мост»), характеризуется высокой частотностью темпоральных переключений. В рамках стихотворения обычно взаимодействуют несколько времен, что обусловливается прежде всего немалыми размерами текста, чередованием сцен, привлечением новых действующих лиц, «вставками» прямой речи и т.д. И всё же в структуре стихотворения часто из параллельно употребляющихся времен одно является доминирующим. В книге «Вож выж» («Зеленый мост») имеют место и регулярные случаи поэтической актуализации только одной темпоральной модели – когда формально, грамматически представлено только одно время, нередко оказывающееся семантически полифункциональным. Данное исследование сфокусировано на монотемпоральных грамматических моделях, реализующихся на уровне глаголов в системе художественно-поэтического целого. В количественном аспекте в сборнике преобладает ситуация настоящего времени, примеры и анализ которой составляют основу этой работы. Установлены и проинтерпретированы футуральные модели, соотносимые с конкретными, рецептивно ощущаемыми установками когнитивного, риторического плана. Почти уникальным статусом обладает абсолют прошедшего очевидного времени (*тодмо ортчем дыр*), в идиостиле П. Захарова «грамматика прошлого» прерывистая, мозаичная, состоящая из разных временных модальностей.

В разделе сборника «Вож выж» («Зеленый мост») «Берытскон» («Возвращение») среди других стихотворений занимает видное место текст «Кулон» («Смерть») [6, 17]. Тема смерти в творчестве Захарова обыгрывается неоднократно – художественная рефлексия по поводу смерти естественна для любой культуры. В подобных трансцендентных размышлениях, как правило, на первый план выходит мифологическая символика, привлекается в широком смысле «эзотерическая изобразительность». П. Захаров нередко смотрит на смерть сквозь призму своего априорного мифологического опыта, обращается к тем представлениям, которые он получил в детстве. Однако поэт – носитель этой культурно-мировоззренческой преемственности – в силу внешних и внутренних факторов в отдельных ситуациях предпочитает уходить от этнопоэтической стилевой доминанты, «глушит» шепот традиции, фольклора. Он словно устает от регулярно прорывающейся в творчество национальной самобытности, пытается выражать свои авторские интересы

на относительно нейтральном, «современном» языке, лишенном видимых, ощущаемых удмуртских этнокультурных индексов. Именно это стихотворение П. Захаров читал в 2008 году в Париже, во французском отделении ПЕН-клуба. Французские литераторы удивились «европейскости» образов, поэтического раскрытия темы, они признались, что рассчитывали услышать «финно-угорские экзотизмы». Вместо них прозвучало «хорошее европейское стихотворение». Поэт, по его признанию, добивался подобного эффекта.

При рассмотрении композиции, грамматических слагаемых текста, возникает мысль, что произведение «Кулон» в некотором роде воспроизводит тот же глагольный текстомоделирующий принцип, что представлен во многих других произведениях Захарова. В центре текста – репрезентативная цепочка глаголов, передающих действия, подчеркивающих намерения лирического персонажа. Примечательно, что все 20 глагольных компонентов исключительно замкнуты на нем и одновременно семиотически обращены к реципиенту, они задают особую стратегию восприятия лирического сюжета. Предполагается, что воспринимающая сторона оценит величие обыденности того, что совершает смерть. В тексте проявляется ключевая сентенция – смерть параллельна самой жизни, она всегда и везде с человеком, периодически дает ему о себе знать, она располагается одновременно внутри и вовне, является гипотетической внешней и внутренней реальностью. Поэт в развертывании поэтического портрета смерти прибегает к излюбленным приемам – смешивает в одно целое сакральное и профанное, отражает крах, трагедию, апокалиптическое событие в зеркале повседневности, использует детали предметно-вещного мира в качестве ядра образных компараций, в качестве метафор. Не обходится без апелляции к коду телесности, в поэзии часто корреспондирующим с мотивами старения, болезни, тоски, душевного томления. Кажется, что смерть лучше чувствует человека, чем он сам себя.

Стихотворение «Кулон» («Смерть») интересно тем, что в его структуре представлена только одна модель темпоральности – все глаголы стоят в форме настоящего времени. Идея времени выражается центральными грамматическими элементами, т.е. на лингвопоэтическом уровне обозначаются первостепенность, конституирующее для текста значение темпоральной информации. С глаголами привычно употребляется и деепричастие на *-са / -тэк*, однако на общем фоне текста их присутствие не кажется знаковым, они не играют решающую роль в смыслопорождении. Глаголы в тексте явлены в сильной семантической и грамматической позициях, и их единый вектор темпоральности напрямую соотносится с авторским ощущением смерти. Смерть ассоциируется с настоящим временем, и в данном случае речь идет не только о непосредственно переживаемом моменте речи, действия, события, но и о постоянстве возможности ее наступления, «вспышках» фатальной мгновенности, случайности. В рамках стихотворения представлено как расширенно постоянно-непрерывное настоящее время, так и настоящее актуально-конкретное. Примечательно, что смерти в стихотворении приписывается широкий спектр обыкновений, навыков, она насквозь антропоморфна – дышит, ходит, смотрит, прыгает, знает, чувствует, говорит. «Кулон» («Смерть»), в отличие от большинства стихотворных экзерсисов Захарова, нельзя назвать текстом с высокой степенью смысловой имплицитности: здесь достаточно прозрачный сюжет, явственно очерченный авторский замысел, наличие знаков препинания, линейно-перечислительный синтаксис. Презенс лирического изложения, по всей вероятности, – оптимальная, привносящая ощущение драматичности форма поэтического отображения ежеминутного предчувствия смерти. П. Захаров в финале произведения проводит художественно значимую параллель – смерть оказывается синонимом поэтического творчества, поэт несет в себе «ген» ранней смерти. Данное умозаключение снова указывает на неслучайность внутритекстовой актуализации настоящего времени: стихи в представлении Захарова приходят в режиме «здесь и сейчас», они спонтанны, внезапны, сопряжены с высшими силами, превращают динамическую природу человеческой жизни в «застывшее настоящее». Сюжетная соотнесенность смерти и фигуры, личности поэта (творца) архетипична в мировой культуре: принято считать, что талантливый художник слова должен уходить молодым, он жизнью платит за свой талант. Стихотворение можно рассматривать и в контексте уже неоднократно описанного дискурса поэтического воспоминания, в основе которого – ранняя смерть удмуртских поэтов Владимира Романова и Михаила Федотова. Захаров словно обосновывает знаковость безвременной кончины

своих друзей, видит в этом жестоком жесте судьбы подтверждение их большого дарования, избранности. Отождествление смерти и поэзии, кроме прочего, необходимо Захарову как один из базисных элементов в выстраивании авторской концепции первичности лирики в системе культуры.

Во втором разделе книги П. Захарова «Вож выж» («Зеленый мост»), который называется «Гумыльскон» («Опрокидывание»), представлены тематически и структурно разнородные стихотворения. Немало текстов с пейзажно-медитативным началом, в таких произведениях описывается жизнь природы, присутствует пейзажная панорама, создаются условия для ситуации любовной уединенности. Важным пластом раздела являются любовные стихи, описывающие случайно-знаковые встречи, эротические впечатления или ожидания, нередко они ретроспективны, имеют мемуаристский характер. Значительную часть раздела составляют циклы – «Кикы» («Кукушка»), «Пи-пу» («Осина»), «Сайканъёс» («Пробуждения»), «Герӈет» («Связь») – текстовые части которых отличаются большой смысловой самостоятельностью. Циклы в поэзии П. Захарова – тема для отдельного исследования: в этих «корпусах» текстов отражаются самые разные тенденции развития современной удмуртской поэзии, сюжеты варьируются от легко понимаемых до трудно прочитываемых.

В разделе «Гумыльскон» («Опрокидывание») наблюдаются различные структурные модели темпоральности, все они сводятся к двум инвариантам – монотемпоральности и политемпоральности. В качестве примеров подчас сложноощущаемой соотнесенности темпорального плана текстового целого и сюжетной данности, концептуального авторского замысла или импульсов «бессознательного» рассмотрим стихотворение, в композиции которого имеет место первый упомянутый темпоральный инвариант.

Достаточно типичным для поэтической практики П. Захарова можно считать первый текст диптиха «Кикы» («Кукушка»):

Нюлэс дурын кикы ***силе,***
Ачид но со кадь ***силиськод****–*
Я мар тыныд эшшо ***кыле****,*
Кикы сямен ке ***улӥськод****?*
Кикы сямен ке ***будӥськод***
Пурысь ӈольгыриос пӧлын,
Кикы сямен ке ***кырӟаськод***
Аслыд гинэ тодмо кылын...
[6, 52].

У леса кукушка кукует,
И ты, как она, кукуешь –
А что тебе еще остается,
Если, как кукушка, ты живешь?
Если, как кукушка, ты растешь
Среди серых воробьев,
Если, подобно кукушке, ты поешь
На языке только тебе понятном …

Текстовая структура довольно традиционна: заурядная рифмовка АВАВ, относительно ровный синтаксис, регламентированная пунктуация. Простую структурную устроенность стихотворения вполне можно связать с общей прозрачностью его смысловых посылов. Первое, на что следует обратить внимание, – актуализация «Ты»-лица, явленного как объективированный образ самого «Я»-персонажа. Поэтическая акцентированность «Ты» – сигнал о том, что осуществляется просмотр себя со стороны, расставляются точки над і в оценивании своего жизненного положения. «Ты=Я» сравниваются с кукушкой, что кукует на окраине леса. Образ кукушки несет в себе негативную семантику. Считается, что «кукушка – одна из самых мифологизированных птиц» [5, 682]. В культуре многих народов кукушка ассоциируется с женским началом, ей приписывается оборотничество, она считается птицей-предателем, изгоем, она имеет отношение к потустороннему миру, связана со смертью. Впрочем, многогранный этнокультурный контекст в рассматриваемом стихотворении Захарова не играет существенной роли – сравнение с кукушкой обозначает странность, инаковость персонажа, подчеркивает его социальную маргинальность, творческий статус. Герой поет на непонятном для других языке. Вероятно, имеется в виду язык поэзии, искусства. Между строк ощущается неудовлетворенность собой, выражается недовольство окружением – субъекту приходится расти (формироваться) среди воробьев. Данный птичий символ в произведении указывает на серость среды, бытовую «корпоративность» простых, лишенных творческого начала людей. По всей видимости, в основе стихотворения лежит автометафорический модус самопрезентации.

В тексте наличествуют только формы настоящего времени, вновь используется магистральное грамматическое выражение темпоральности, отсутствуют лексические показатели времени (например, наречия *али* «сейчас», *туннэ* «сегодня» и т.д.). Стихотворный презенс в данном случае передает значение регулярности, обыденности того экзистенциального состояния (внутренней-внешней реальности) лирического героя, что сравнивается с жизнью кукушки. Настоящее время в первой части диптиха «Кикы» («Кукушка») – концептуальное явление, глубинно сопряженное с авторским самоощущением. Постоянно-непрерывный характер настоящего в этом и других стихотворениях П. Захарова, по всей вероятности, корреспондирует с частой потребностью авторского сознания в социальной рефлексии, с остротой актуальностью определения границ / граней личностной идентичности «Я», иных субъектов текста. Настоящее время в основном представлено вторым лицом единственного числа (4 раза), дважды фигурирует третье лицо единственного числа. В первом случае эксплицируется субъектная зона, во втором – упоминается о куковании кукушки и заданности бытия, модели существования, на которую обречен «Я-Ты» персонаж. Важным дополнением к прочтению семантики стихотворного презенса является код условности, представленный частицей *ке*. Условные конструкции в смыслопорождающей динамике текста утрачивают первоначальную семантику неопределенности, гипотетичности, сомнительности. В сравнительных комбинациях (*сяменке*) происходит усиление характерологической валентности «Ты-Я» экзистенции: жизненная стратегия лирического героя метафорична и предельно реалистична одновременно. Подобную амбивалентность несет в себе творчество. Следует заметить, что глагольная презенс-форма *-(ӥ)ськод* становится основным «инструментом» стихотворной рифмовки.

На фоне грамматической многомерности поэзии П. Захарова естественным можно считать тот факт, что поэт возвращается к определенным языковым моделям, лингвопоэтическим деталям. По всей вероятности, это абсолютно универсальное явление, характерное для любого в отдельности рассматриваемого идиостиля. Писатель, на протяжении многих лет выражающий себя в слове, в языке, так или иначе опирается на некоторые структуры. Осознанно или неосознанно – другой вопрос. Творческое (поэтическое) сознание выбирает механизмы, модели выражения, которые становятся своеобразными рефренами, превращаются в текстуальные доминанты. Следует подчеркнуть, что грамматические универсалии в поэзии регулярно подвергаются символическому индивидуально-авторскому «выделению», оказываются в сфере художественных интересов поэта. Очевидно, что ситуация монотемпоральности – одна из таких, выделяемых поэтических сознанием языковых реалий.

Обсуждение и заключения

В стихотворениях П. Захарова доминирование одного времени, одной темпоральной модели представлено достаточно широко. Имеют место разные варианты этого явления – от ситуации абсолютной временной монолитности до линейных темпоральных конструкций, «прерываемых» текстуальным включением другого времени и создающих прецедент их структурно-семантического взаимодействия. Модели темпоральности в поэзии П. Захарова могут быть классифицированы по-разному – с точки зрения многообразных структурных модификаций, семантических контекстов, это требует отдельных исследований, потенциально включающих в себя значительный срез текстов идиостиля. В данном случае были проанализированы некоторые стихотворения, в которых грамматический план времени тесно связан с лирическим сюжетом, темпоральный код является ярко выраженной частью авторского художественного послания, т.е. речь идет о семантически сильной позиции «грамматики» времени в системе поэтического произведения. В целом, рассмотренные грамматические и частично лексические формы выражения темпоральности в удмуртских поэтических текстах позволяют с уверенностью говорить о происходящих в поэзии лингвосемантических трансформациях, расширении креативно-функциональных возможностей отдельных языковых страт, художественно-авторской индивидуализации регулярных грамматических маркеров.

Список источников и литературы

1. Ахапкина Я.Э. Семантика времени в поэтическом тексте (на материале лирики Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама акмеистического периода творчества). СПб.: Свое издательство, 2010. 234 с.

2. Бахтин М.М. Время и пространство в произведениях В. Гете // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 204–236.

3. Боднарук Е.В. Категориальные признаки будущего времени // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3 (52). С. 128–134.

4. Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматических категорий. СПб.: Академический проект, 1996. 224 с.

5. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

6. Захаров П.М. Вож выж: стихи, поэмы, переводы. Ижевск: изд-во ИжГТУ, 2001. 272 с.

7. Казарина В.И. К вопросу о темпоральной семантике модификатора *должен* // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 46. С. 5–20.

8. Кац Л.В. О семантической структуре временной модели поэтических текстов Высоцкого // Мир Высоцкого: исследования и материалы. 1999. № 3. Т. 2. С. 88–95.

9. Левченко М.Н. Роль категории времени в организации смысловой структуры художественного текста // Межвузовский сборник научных трудов МОПИ им. Н.К. Крупской «Лексическая семантика и синтагматика». М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1987. С. 53–62.

10. Магун А. Сдвиг. Революционная темпоральность в поэтике О. Мандельштама // Вестник филологического факультета ИИЯ в СПб. 1999. № 2/3. С. 159–165.

11. Немкова В.А. Настоящее драматическое как композиционное средство формирования субъективированного нарратива // Вестник МГУ. 2016. №. 3. С. 155–163.

12. Поморска К. Маяковский и время (К хронотопическому мифу русского авангарда) // Slavica Hierosolymitana. 1981. V. 5/6. С. 341–354.

13. Ревзина О.Г. Язык и время в пушкинском поэтическом контексте // Пушкин и поэтический язык XX века: Сборник статей, посвященных 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. М.: Наука, 1999. С. 179–187.

14. Ристо Рёнкя. Настоящее сценическое (Praesens Scaenicum) среди функций форм настоящего времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Вып. 1. С. 100–106.

15. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М.: Высш. школа, 1979. 219 с.

16. Чернейко Л.О. Философские проблемы языка и лингвистики // Вестник МГУ. 2016. №. 1. С. 7–25.

17. Comrie B. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 142 p.

18. Dickey St.M. Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach. Stanford (California): CSLI Publications, 2000. 316 p.

19. Gold E. Aspect, tense and the lexicon: expression of time in Yiddish. Toronto: Univ. of Toronto, 1999. 184 p.

20. Koschmieder E. Das Praesens historicum und das Praesens scenicum im Ukrainischen und Serbokroatischen // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States. 1960. Vol. 8, № 1–2. P. 152–168.

21. Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A semantic dictionary. Sydney: Academic Press, 1987. 487 p.

References

1. Akhapkina Ya.E. *Semantika vremeni v poeticheskom tekste (na materiale liriki Anny Akhmatovoy i Osipa Mandel'shtama akmeisticheskogo perioda tvorchestva)* [The semantics of time in a poetic text (based on the lyrics of the acmeistic period of the work of Anna Akhmatova and Osip Mandelstam)]. Saint-Petersburg: Svoe izdatel'stvo Publ., 2010. 234 p. (In Russian)

2. Bakhtin M.M. *Vremya i prostranstvo v proizvedeniyakh V. Gete* [Time and space in the works of W. Goethe]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. pp. 204–236. (In Russian)

3. Bodnaruk E.V. *Kategorial'nye priznaki budushchego vremeni* [Categorical signs of the future tense]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics], 2017, no. 3 (52), pp. 128–134. (In Russian)

4. Gin Ya.I. *Problemy poetiki grammaticheskikh kategoriy* [Problems of the poetics of grammatical categories]. Saint-Petersburg: Akademicheskiy proekt Publ., 1996. 224 p. (In Russian)

5. Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Symbols of animals in the Slavic folk tradition]. Moscow: «Indrik» Publ., 1997. 912 p. (In Russian)

6. Zakharov P.M. *Vozh vyzh: Stikhi, poemy, perevody* [The Green Bridge: Verses, poems, translations]. Izhevsk: Izdatel'stvo IzhGTU Publ., 2001. 272 p. (In Russian)

7. Kazarina V.I. *K voprosu o temporal'noy semantike modifikatora dolzhen* [To the question of the temporal semantics of the modifier *should*]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2017, no. 46, pp. 5–20. (In Russian)

8. Kats L.V. *O semanticheskoy strukture vremennoy modeli poeticheskikh tekstov Vysotskogo* [About semantic structure of the temporal model of Vysotsky's poetic texts]. *Mir Vysotskogo: issledovaniya i materialy* [The world of Vysotsky: Studies and Materials], 1999, vol. 2, no. 3, pp. 88–95. (In Russian)

9. Levchenko M.N. *Rol' kategorii vremeni v organizatsii smyslovoy struktury khudozhestvennogo teksta* [The role of the time category in the organization of the semantic structure of an artistic text]. *Leksicheskaya semantika i sintagmatika* [Lexical semantics and syntagmatics]. Moscow: MOPI im. N. K. Krupskoj Publ. 1987. pp. 53–62. (In Russian)

10. Magun A. *Sdvig. Revolyutsionnaya temporal'nost' v poetike O. Mandel'shtama* [Shift. Revolutionary temporality in the poetics of O. Mandelstam]. *Vestnik filologicheskogo fakul'teta IIYa v SPb*. [Bulletin of the Philological Faculty of the Institute of Foreign Languages in St. Petersburg], 1999, no. 2/3, pp. 159–165. (In Russian)

11. Nemkova, V.A. *Nastoyashchee dramaticheskoe kak kompozitsionnoe sredstvo formirovaniya sub"ektivirovannogo narrativa* [The present dramatic as a compositional tool for the formation of subjectivized narration]. *Vestnik MGU* [Bulletin of Moscow State University], 2016, no. 3, pp. 155–163. (In Russian)

12. Pomorska K. *Mayakovskiy i vremya (K khronotopicheskomu mifu russkogo avangarda)* [Mayakovsky and time (To the chronotopic myth of the Russian avant-garde)]. *Slavica Hierosolymitana* [Slavica Hierosolymitana], 1981, no. 5/6, pp. 341–354. (In Russian)

13. Revzina, O.G. *Jazyk i vremja v pushkinskompojeticheskomkontekste* [Language and time in Pushkin's poetic context]. *Pushkin i pojeticheskijjazyk XX veka: Sbornikstatej, posvjashhennyh 200-letiju so dnjarozhdenija A.S. Pushkina* [Pushkin and the poetic language of the twentieth century: Collection of articles dedicated to the 200th anniversary of the birth of A.S. Pushkin]. Moscow: Nauka Publ., 1999. pp. 179–187. (In Russian)

14. Risto Renkya. *Nastoyashchee stsenicheskoe (Praesens Scaenicum) sredi funktsiy form nastoyashchego vremeni* [Stage present (Praesens Scaenicum) among the functions forms of the present time]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2016, vol. 1, pp. 100–106. (In Russian)

15. Turaeva Z.Ya. *Kategoriya vremeni. Vremya grammaticheskoe i vremya khudozhestvennoe* [Category of time. Grammatical time and artistic time]. Moscow: Vyssh. Shkola Publ., 1979. 219 p. (In Russian)

16. Cherneyko L.O. *Filosofskie problemy yazyka i lingvistiki* [Philosophical problems of language and linguistics]. *Vestnik MGU* [Bulletin of Moscow State University], 2016, no. 1, pp. 7–25. (In Russian)

17. Comrie B. *Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems.* Cambridge: Cambridge University Press, 1976, 142 p. (In English)

18. Dickey St.M. *Parameters of Slavic aspect. A cognitive approach*. Stanford (California): CSLI Publications, 2000, 316 p. (In English)

19. Gold E. *Aspect, tense and the lexicon: expression of time in Yiddish.* Toronto: Univ. of Toronto, 1999, 184 p. (In English)

20. Koschmieder E. Das Praesens historicum und das Praesens scenicum im Ukrainischen und Serbokroatischen. *The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States*, 1960, vol. 8, no. 1–2, pp. 152–168. (In English)

21. Wierzbicka A. *English Speech Act Verbs: A semantic dictionary*. Sydney: Academic Press, 1987, 487 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Арзамазов Алексей Андреевич, ведущий научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (426004, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Ломоносова 4), доктор филологических наук.

arzami@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-7577-5917

ABOUT THE AUTHOR:

Arzamazov Alexey Andreevich, Leading Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (426004, Russian Federation, Republic of Udmurtia, Izhevsk, Lomonosova st. 4), Doctor of Philological Sciences.

arzami@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-7577-5917